

Б.А. Романов

**Люди и нравы Древней
Руси**

**Историко-бытовые очерки XI-
XIII вв**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б.А. Романов
Б11 Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI-XIII вв / Б.А. Романов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 242 с.

ISBN 978-5-518-03192-0

Очерки ленинградского профессора Бориса Александровича Романова (1889 1957) книга примечательная и оригинальная. Она посвящена рядовому человеку древней Руси, с его житейскими невзгодами и радостями, мытарствами и раздумьями, человеку, как он есть во всем его прозаическом обличье.

ISBN 978-5-518-03192-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Издаваемые очерки покойного ленинградского профессора Бориса Александровича Романова (1889—1957) — книга примечательная и оригинальная.

О так называемом киевском периоде русской истории много писали, еще больше спорили, не один десяток крупных исследований посвящен социально-экономической, политической и культурной истории этого времени, но ни в советской, ни тем более в буржуазной историографии мы не найдем книги, где в центре внимания был бы сам человек той эпохи с его житейскими невзгодами и радостями, мытарствами и раздумьями, человек, как он есть — во всем своем прозаическом обличи. Этому рядовому человеку древней Руси и посвящена книга Б. А. Романова.

А это была эпоха не только великих дел, но и великого драматизма, эпоха, когда происходило становление древнерусского феодального государства, когда впервые со столь страшной всепоглощающей силой развернулся на Руси процесс классового образования, когда складывающиеся феодальные отношения охватывали все новые слои русского общества, все глубже раскалывая его на два антитеза — трудящихся и господ. И именно в это время русский человек впервые пытается осознать происходящие вокруг него события, понять неуклонный и стремительный ход истории, который представляется ему то «промыслом божьим», то иронией злой судьбы. И именно в этот период, когда утверждаются на Руси освященные христианской церковью нравственные и моральные устои феодализма, рождаются и зачатки того житейского критицизма, который всегда был живым родником народного свободомыслия.

Тонко, ярко, с исключительным мастерством, почти художественно рассказывает Б. А. Романов о жизни той эпохи, помогая читателю не только понять, но и почувствовать ее бытие, ее ход. Перед ним один за другим встают образы людей древней Руси. То это князья и бояре, их дружина и «вои», то это простые смерды и холопы, то, наконец, «отцы духовные». По всем, даже самым затаенным, самым интимным уголкам русской жизни XI—XIII вв. проводит автор читателя; вся жизнь человека того времени от рождения до смерти встает перед ним. И все это сделал автор, руководствуясь одним критерием — исторической правдой. И как иногда ни кажутся суровы и даже дико изображаемые автором картины быта и нравов той отдаленной эпохи, они всегда сохраняют на себе живые следы реальной жизни. И достигается это в первую очередь весьма оригинальным научно-литературным приемом — попыткой автора «заставить» людей той эпохи самих рассказать о себе. «Я ставил перед собой задачу, — пишет об этом Б. А. Романов, — написать не столько „специальное исследование“, сколько научно-популярную книгу, которая помогла бы читателю почувствовать и понять далекую, хотя и родную ему эпоху через знакомство с ее людьми, — а для этого взял на себя, как толмач, перевести старинные слова, которыми они сами про себя когда-то рассказывали, на язык моего читателя и сделать это в той последовательности и в таких сочетаниях, какие подсказывались мне требованиями исторической правды» (стр. 15—16).

Поэтому не удивительно, что при первом знакомстве с книгой Б. А. Романова у многих читателей может возникнуть впечатление, что это все-таки книга отнюдь не для широкого читателя, уж слишком она необычна и тяжела для этого жанра. И такой читатель по-своему прав. Перед нами, действительно, не обычная популярная книга, лишенная научного анализа и в легкой, сознательно упрощенной манере повествующая о событиях далекого прошлого — книга для чтения перед сном. Да, это не такая книга. И все же книга Б. А. Романова популярна, но совсем по-иному и совсем в ином смысле.

Б. А. Романов поставил перед собой задачу не упростить историческую науку до уровня познаний не искушенного в истории, но любознательного читателя, а, наоборот, подтянуть, приобщить этого читателя (особенно

молодого, начинающего) к исторической науке, сделать его сообщником историка в изучении своей родины, своего прошлого. Иначе говоря, Б. А. Романов поставил целью создать такую книгу, которая, хотя и была бы доступна для широких кругов читателей, однако не упрощала бы наши представления о прошлом, а как бы вводила ее читателя в жизнь прошлого через сложный и тернистый путь исторического познания, и вводила отнюдь не через парадный ход. Тем самым автор как бы раскрывает перед своим читателем всю кухню настоящего исторического исследования, показывая, как, почему, откуда познает историческая наука подлинную правду жизни тех отдаленных эпох. Раскрытие правды жизни, правды о наших предках — вот основная цель труда Б. А. Романова, который хотел не только рассказать, но и доказать, убедить читателя в достоверности того, о чем он пишет. Да, книга Б. А. Романова заставляет мыслить, сомневаться, искать — это не бездумная книга, и в этом ее притягательная сила для любого читателя, любящего свою родину и стремящегося понять ее прошлое, узнать, как жили и что думали его предки — простые люди древней Руси.

Такие работы — не частое явление в советской историографии. Так уж сложилось, что, читая классическую художественную литературу, мы не сетуем на то, что она будит мысль, чувства, заставляет анализировать, сопоставлять, сомневаться; наоборот, в этом мы находим не только наслаждение, но и ту притягательную силу, которая побуждает человека открывать все новые и новые горизонты познания. Почему же, когда мы читаем книгу по истории, рассчитанную на широкие читательские круги, мы обязательно хотим видеть в ней лишь облегченный рассказ о прошлом, в котором все так просто и ясно, как никогда не бывает в жизни? Нет, книга Б. А. Романова — не такая книга.

И именно то, что настоящий труд Б. А. Романова — «не такая книга», дало автору возможность применить в работе над «Очерками» ряд совершенно новых исследовательских приемов, которые значительно продвигают вперед изучение многих проблем отечественной истории феодального периода. Не все, изложенное Б. А. Романовым, уже признано в исторической науке, в книге много спорного, дискуссионного, но все это ново, смело, оригинально. И хотя первое издание «Очерков» вышло еще

в 1947 г., они не только не устарели, но, наоборот, в свете развернувшихся в последнее время научных дискуссий по так называемому киевскому периоду русской истории приобрели в ряде случаев особо актуальное значение. Особенно это касается такой центральной проблемы, как проблема рабства и крепостничества в древней Руси.

Мы уверены, что, прочитав книгу Б. А. Романова, любознательный читатель (а именно, мы еще раз повторяем, для такого читателя писал автор) не только узнает много нового, интересного и важного, но и убедится, что историческая наука — это отнюдь не собирание просто фактов и создание занимательных новелл о прошлом (и, по мнению современного «мизантропа», очень субъективных), а сложное и трудное дело познания человека и его борьбы за свое будущее. И что историческая наука — тоже очень точная наука и даже, быть может, не менее точная, чем науки естественные.

• • •

Настоящее издание книги Б. А. Романова подготовлено к печати на основе ее первого издания (Изд. ЛГУ, 1947), осуществленного еще при жизни автора. Авторский текст воспроизводится без изменений. Весь же научный аппарат заново выверен и уточнен по первоисточникам.

В подготовке книги к печати принимали участие Т. М. Новожилова и З. Н. Савельева, которым мы выражаем глубокую благодарность.

Н. Е. Носов.

О ГЛАВНОМ

Предлагаемые «Историко-бытовые очерки» посвящены тому («киевскому») периоду истории нашей страны, которому весьма посчастливилось в советской историографии. До начала 30-х годов в этой сфере неустанно работали такие крупные советские историки, как покойный А. Е. Пресняков и С. В. Юшков.¹ В начале 30-х годов к работе над киевским периодом примкнул Б. Д. Греков, в связи с чем в 1939 г. С. В. Юшков, пересмотрев и переработав свои прежние исследования, подвел им итоги в «Очерках по истории феодализма в Киевской Руси», открывших полемику по ряду частных вопросов с Б. Д. Грековым.² Тем самым проблема древнейшего периода истории России, можно сказать, вышла на авансцену советской исторической науки и до сего дня отдель-

¹ А. Е. Пресняков. 1) А. А. Шахматов. Дела и Дни, кн. I, Пгр., 1920; 2) Взгляд А. А. Шахматова на древнейшие судьбы русского племени. Русский исторический журнал, кн. 7, Пгр., 1921; 3) Рецензия на И. А. Стратонова (К вопросу о составе и происхождении краткой редакции «Русской Правды») и С. Юшкова (К истории древне-русских юридических сборников XIII в.). Книга и революция, 1921, № 1; 4) А. А. Шахматов в изучении русских летописей. Изв. отд. русск. яз. и слов. Росс. Акад. наук, т. XXV, Пгр., 1922; 5) Рецензия на М. И. Ростовцева (Les origines de la Russie Kievienne. Века, ист. сб., т. I, Пгр., 1924; 6) Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы. Яфетический сборник, т. V, Л., 1927; 7) Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории. В сб.: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928. С. В. Юшков. 1) К вопросу о смердах. Уч. зап. Саратовского гос. унив., т. I, вып. 4, 1923; 2) Феодальные отношения в Киевской Руси. Там же, т. III, вып. 4, 1925.

² Б. Д. Греков. 1) Рабство и феодализм в Древней Руси. Изв. ГАИМК, вып. 86; 2) Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1936; 3) Киевская Русь. М.—Л., 1939; 4) Киевская Русь. М.—Л., 4-е изд., 1944.

пыми своими сторонами привлекает к себе внимание историков (например, назову Н. А. Максимейко, В. В. Мавродина, М. Д. Приселкова, Н. Л. Рубинштейна, Е. А. Рыздзевскую, С. Н. Чернова в сфере «исторической», М. И. Артамонова, А. В. Арциховского, М. К. Каргера, А. Н. Лявданского, В. И. Равдоникаса, Б. А. Рыбакова, М. А. Тиханову, П. Н. Третьякова — в сфере «археологической»). Так явилась потребность в подведении некоторых обобщающих итогов накопившегося запаса как «исторических», так и «археологических» наблюдений и выводов по вопросу (более широкому) об образовании древнерусского государства не только киевской, но и докиевской поры, и первый опыт в этом направлении сделан в последнее время В. В. Мавродиным.³ Таком ближайшем историографическом окружении, в котором выходят мои «Очерки».

Работы моих предшественников (и особенно Б. Д. Грекова) избавили меня от необходимости в какой-либо мере ставить и пересматривать вопрос об общественной формации, в недрах которой складывались, действовали и развивались те «люди» и те «нравы», которые являются предметом моего изучения и показа на протяжении XI—XIII вв. (до монгольского нашествия). Я мог исходить из прочно установленного советской историографией положения, что древняя Русь XI—XIII вв. переживает процесс классового образования, свойственный и характерный для феодальной общественной формации. В пределах этого положения мне представилось возможным и своевременным поставить задачу, которая не имела в виду моими предшественниками, попытаться собрать и расположить в одной раме разбросанные в древнерусских письменных памятниках (хотя бы и мельчайшие) следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI—XIII вв., с тем чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей (будь то поименно известные «исторические» личности или конкретно реконструируемые исторические типы, той или иной сто-

³ В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства. Л., 1945; 2) Древняя Русь. Л., 1946.

роной отразившиеся в том или ином документе или литературном памятнике эпохи). Иными словами, как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться), — таков основной вопрос, который я постоянно имею в виду в своем изложении, решая указанную задачу моего исследования.

Предлагаемая попытка ответить на этот вопрос и решить эту задачу связана с трудностями, которые обусловлены и ограниченным количеством и свойствами общеизвестных паличных письменных памятников той эпохи.

Памятники эти преимущественно двоякого рода: одни — повествовательного, более или менее учительного уклона (например, летописи, жития), другие — открыто карательно-запретительного или директивного, законодательного в известной степени характера («Русская Правда», церковные уставы, поучения, правила). В первом случае камнем преткновения является ничем не сдерживаемая тенденция пишущих либо к идеализации, либо к осуждению, даже опорочиванию описываемого действия, лица или группы. Во втором — зачастую приходится идти путем умозаключения от наличия запрета или кары к распространенности запрещаемого или караемого действия и от наличия совета или предписания — к отсутствию в повседневном быту предписываемой нормы поведения или к обычности ее нарушения. В обоих случаях, даже когда приходится отказаться от поисков подлинного факта, все же остается ценить возможность всмотреться в мелочи жизни, в людей, в черты быта и нравов эпохи именно сквозь призму близкого ей современника (хотя бы иной раз он и пользовался не своими, а чужими словами и когда-то заимствованными формулами). Привычные оценки и скрытые за ними правила возмещают в известной мере нехватку действительно бывших примеров поведения: ведь вопрос о том, как жили люди той или иной эпохи, тесно соприкасается с вопросом о том, как, по их мнению, надлежало жить в условиях их времени.

При указанной разнородности наших памятников объединить их вокруг одной задачи и заставить их заговорить как бы на одном языке, языке жизненной правды, представляло тоже значительную трудность.

Наконец, наши памятники меньше (и в ином стиле) говорят о жизни народных масс, чем о жизни господствующего класса. И немудрено. Они почти все связаны своим происхождением с христианской церковью, которая была плотью от плоти этого класса и стремилась развить и закрепить его господство на более широкой основе и более гибкими и далеко идущими методами, чем то было в языческую (бесписьменную) пору. Отсюда возникает и еще одна трудность, связанная не только и не столько с количественной неравномерностью в распределении внимания церковных авторов между верхами и низами общества, сколько с необходимостью неослабного учета особенностей «содержания сознания» этих авторов — людей своей эпохи и своего класса.

Перед лицом этих трудностей мне оставалось либо, отказавшись от их преодоления, отказаться и от попытки решения поставленной задачи, либо поискать такой комбинации приемов исследования и построения, которая никогда еще мной не применялась, а приспособлена была бы специально к решению поставленной задачи. В плане профессионально-историческом (и даже в плане техники нашего исторического ремесла) мной руководило «чувство нового», и по мере того, как подвигалась работа, меня все больше увлекала постановка опыта мозаической реконструкции древнерусской жизни с помощью комбинированного применения следующих приемов.

Один прием напрашивался сам собой — при работе над летописными текстами. После того что сделано в изучении русского летописания А. А. Шахматовым (в плане литературоведческом) и А. Е. Пресняковым и М. Д. Приселковым (в применении к задачам исторического построения), мне оставалось только отказаться от «протокольной» трактовки летописных повествований в наивно-реалистическом роде и применить к ним метод литературного анализа, рассматривая их не как счастливо сохранившееся подобие «газетной» (хотя и бедной) хроники, а как литературное произведение данной исторической секунды, отразившее прежде всего именно эту секунду с ее злобами дня, полемиками, тенденциями и борениями, трактуя автора летописной записи как одного из тех «людей», которых я имею в виду в моем исследовании, т. е. как безымянное действующее (в данном случае — пишущее) лицо. И только беря летописный текст

как призму, через которую преломляется прежде всего этот литературный факт, я позволяю себе осторожно пользоваться силуэтными отображениями в этом тексте так называемых исторических фактов, попавших в летописное изложение.

Второй прием, в известной мере аналогичный первому, я применяю к юридическим памятникам (преимущественно к «Русской Правде»), — прием тоже литературной трактовки литых юридических формул, задавая каждый раз вопросом, какие конкретные варианты житейских ситуаций имелись в виду авторами этих памятников. Памятуя крылатые слова Ключевского: «Русская Правда — хорошее, но разбитое зеркало русского права XI—XII вв.», я думаю, что они (*mutatis mutandis*) применимы не только к праву, но и ко всему многообразию реальной жизни, которую законодатели тщились уложить в прокрустово ложе своей законодательной воли. Только точнее бы сказать не о зеркале, а опять же о призме.

Третий прием требует некоторого пояснения.

Мне с самого начала была видна неизбежность распределения моего материала («людей», их «быта» и «нравов») по отстоявшимся социальным категориям: народные массы, вовлеченные в сеньорию (челядь), они же, оставшиеся в составе общины (смерды), и феодалы двух видов — светские и церковные. Это сразу же грозило придать всему построению статический характер. Но мне представилось недостаточным ввести в композицию каждой из соответствующих этим основным категориям глав мотив динамики только во времени, с отметкой всякий раз тенденции развития в пределах этой категории. Необходимо было ввести мотив перекликания этих тенденций в симбиозе этих категорий и мотив внутрикатегорных противоречий, заштриховать межкатегорные пустоты и уловить следы людских резервов процесса классовообразования. Как искомое передо мной вставала здесь облеченная в плоть и кровь фигура субъекта этого процесса, возможно шире способная к социальной передвижке — на деле или в потенции, все равно. В сложном и извилистом ходе этого процесса, завязывающего и рвущего узлы в жизни «людей», есть своя не только продольная (во времени), но и, так сказать, поперечная динамика, мятущая этих людей как в географическом, так и

в социальном пространстве — пока-то их прочно прибивает к тому или иному берегу, общественному стандарту. Раз так — неужели же в литературе эпохи не отразилась эта жизненная ситуация, и притом не косвенно и частично, а непосредственно и цельно, как проблема или сюжет?

В поисках этого рода фигуры бесполезно было обращаться к привычным в изучении взятой мной эпохи источникам в расчете найти ее там готовой. Передо мной вставала новая задача — реконструировать этого, недостававшего среди вовлеченных в мое исследование «людей», человека чисто литературоведческим (хотя, кажется, не очень-то популярным среди наших литературоведов древности) приемом воссоздания, путем анализа данного литературного произведения, облика того читателя, на которого оно рассчитано и для которого оно имело бы животрепещущий интерес. Этот прием, если бы он удался, позволил бы мне ввести найденный культурно-исторический тип в мое построение и изложение как живое действующее лицо и как своего рода реактив при пользовании иными историческими памятниками с их стандартными формулировками. Я и попробовал применить этот прием к произведению, которое еще в давние времена задело мое воображение и осталось в своей цельности вовсе не привлеченным к историческому изучению, — к «Слову Даниила Заточника», довольно позднему, но зато итоговому и разностороннему, острому и вдумчивому «человеческому документу» из литературного наследия эпохи (XII—XIII вв.). Не только анализ содержания «Слова», но и родство его с отдельными элементами иных современных ему русских памятников привели меня к построению понятия (под условным названием) «заточничества» (ничего общего не имеющего с представлением о «заточении» куда бы то ни было) как широко распространенного общественного явления XII—XIII вв. И я пользуюсь реконструируемой мной силуэтной фигурой читателя «Слова» («заточника», «заточников») на протяжении всего моего изложения как не предусмотренной никакими юридическими стандартами разновидностью жертвы или субъекта процесса классообразования, — разновидностью, которую конкретная историческая случайность может поставить в то или иное общественное положение в зависимости